

© 1992 г.

М. М. ГОРИНОВ, С. В. ЦАКУНОВ*

ЕВГЕНИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Старый большевик, секретарь ЦК РКП (б) в 1920—1921 гг., один из лидеров левой («троцкистской») оппозиции, талантливый публицист, Евгений Алексеевич Преображенский тем не менее как историческая личность сравнительно мало изучен¹. В настоящей статье предпринята попытка отчасти восполнить этот пробел.

1. «Я ПЕРЕХОЖУ В РЯДЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ»

Е. А. Преображенский родился 15 февраля 1886 г. (по ст. ст.) в г. Болхове Орловской губернии, в семье православного священника Троицкой церкви, законоучителя городского училища Алексея Александровича Преображенского и Варвары Алексеевны Преображенской (урожденной Левицкой): Он был третьим ребенком в семье (старшие — Людмила и Виктор, младшие — Ольга и Александра). «В детстве был очень религиозен». На четырнадцатом году жизни через протест против материального неравенства, под влиянием чтения литературы «либерально-народнического направления», атеистических работ, наблюдения «всей религиозной кухни с ее закулисной стороны» Преображенский приходит к «абсолютному отрицанию» религии². Позднее атеизм «из морального пафоса, из любви к добру и справедливости»³, как это было свойственно наиболее нравственно чутким представителям русской интеллигенции, привел его не к цинизму, а к революционному радикализму⁴. Ибо, писал Н. А. Бердяев, «структура души остается та же, русские интеллигенты-революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры»; «русская мысль стремится к целостности»⁵.

В конце 1903 г. Преображенский вступает в РСДРП, причем примыкает к ее наиболее радикальному, большевистскому крылу. Так им была обретена новая тотальность мирозерцания: место «антинаучного» православия занял «научный коммунизм».

Начавшаяся в 1905 г. революция постепенно втягивает Преображенского в гущу событий тогдашней политической жизни. В октябре он кооптируется в Орловский комитет РСДРП, в ноябре переезжает в Москву, где, будучи ответственным пропагандистом Пресненского района, принимает активное участие в баррикадных боях.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания по предложению руководителя Московского комитета РСДРП А. И. Рыкова Преображенский отправляется на Урал. Здесь судьба сводит его с Я. М. Свердловым и его женой, К. Т. Новгородцевой. Преображенский ведет работу в Екатеринбурге, Челябинске, Перми и наиболее активно в Уфе, Златоусте. Входит в состав Уральского областного бюро РСДРП. Летом 1907 г. в качестве делегата от Урала его направляют на Всероссийскую партийную конференцию в Финляндии, где он знакомится с Лениным⁶. Одновременно в 1907—1908 гг. Преображенский обучается на юри-

---

* **Горинов Михаил Михайлович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Цакунов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем.

дическом факультете Московского университета⁷, который, однако, ему так и не удается закончить.

Все более пристальный интерес к «Леониду» (партийная кличка Преображенского в эти годы) проявляет полиция. Его неоднократно арестовывают, но пока из-за недостатка улик отпускают на свободу⁸. В документах Охранного отделения Преображенский характеризуется как «видный член Российской социал-демократической рабочей партии». Молодой революционер становится известен высшим чинам охраны. «Все функции областного комитета, — отмечается в письме начальника Пермского охранного отделения от 20 апреля 1908 г. директору Департамента полиции, — в настоящее время выполняются одним товарищем „Леонидом“»⁹. Круг сужается. После очередного ареста Преображенский осенью 1909 г. был осужден, получив ссылку на поселение, которую отбывал в с. Воробьева Карабчанской волости Киренского уезда Иркутской губернии.

Годы борьбы в революционном подполье, многолетняя тотальная конфронтация с режимом, а зачастую и с обществом порождали у наиболее цельных революционных натур экзальтированное отношение к грядущей революции, что помогало им преодолевать социальную отчужденность, придавало высокий смысл их аномальному, с точки зрения обыденного сознания, бытию, лишенному простых житейских радостей, освобождало их от следования нормам традиционной морали: Революция для них становилась новым Абсолютом, занимавшим место отринутого Бога. Ф. Г. Виноградов, проведший некоторое время с Преображенским в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском, вспоминал: «Один из докладов т. Преображенского (который он сделал в тюрьме. — *Авт.*) — „Этика с материалистической точки зрения“ — отвечал назревшей потребности осветить, каковы должны быть предъявлены этические требования к революционеру. Доклад исходил из основного положения: „Благо революции — высший закон“. Дискуссия по этому докладу заняла два вечера»¹⁰. «Благо революции — высший закон!» Звучало хлестко, афористично, красиво. Но из этой революционной максимы с неумолимой логикой следовало: «Все, что совершается во имя революции, — то благо». Еще один дедуктивный ход: «Все дозволено, если на благо революции». В 1922 г. Н. И. Бухарин напишет: для пролетариата «нормы его поведения есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку... Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать»¹¹.

И эти рассуждения не были только игрой экзальтированного революционного ума. С неумолимой последовательностью они претворялись в действительность. В Златоустовской социал-демократической организации, где первую скрипку играл Преображенский, в боевых организациях состояло около 300 рабочих, и их активность была выше, чем боевых организаций эсеров^{11а}. Б. В. Савинков следующим образом реконструировал мироощущение эсеровского террориста Егора Сазонова: «Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о „не убий“»¹². Думается, аналогичным образом мог рассуждать и Преображенский. А что если на пути революции встанет не царский министр, а та или иная партия, социальная группа, класс? Какие методы революционного действия допустимы в этом случае? Данный вопрос перейдет в практическую плоскость в 1918 г. И Преображенский, не колеблясь, ответит: «Советская власть защищает пролетарскую революцию. „А какими средствами“, — спрашивает левый эсер. На это мы отвечаем: Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их»¹³. Революционный максимализм таил в себе страшную разрушительную силу. «...Определяющей силой в духовной жизни человека является его религия — не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям.

Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину — это значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное», — писал С. Булгаков¹⁴ «Высшей и последней ценностью», «религиозным центром» Преображенского была коммунистическая революция.

Сам же он порой напоминал апостола новой веры. Сохранилось интереснейшее свидетельство Бобровникова, слушателя кружка учащейся молодежи, в котором Преображенский в годы ссылки читал лекции. «Про себя скажу, — писал Бобровников, — что мое сознательное существование, которое уже имеет какой-то смысл, начинается с того момента, когда я вступил в эту организацию. Я думаю, что это является общехарактерным признаком для всех участников нашей организации. В то время меня очень мучил вопрос о смысле жизни — для чего люди существуют... Когда я вступил в эту организацию, я увидел, в чем смысл. Если до этого моя жизнь не представляла никакой ценности, то с этого момента я почувствовал интерес к жизни, стал лучше учиться (а до этого имел очень плохие отметки), появилась энергия, вкус, интерес к жизни и все осветилось определенным светом...»¹⁵.

Период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России был для Преображенского временем неоднократных арестов, ссылок и продолжения подпольной революционной борьбы.

Февраль 1917 г. застал его в Чите.

2. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Импульс революционного взрыва в Петрограде, дойдя до Восточной Сибири, властно вмешался и в судьбу Преображенского. В литературе отмечается активная роль, сыгранная им в февральских событиях в Чите. Преображенского выбирают товарищем председателя Читинского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Президиума Комитета общественных организаций города¹⁶. Читинский Совет в то время стоял на позициях сотрудничества с Комитетом общественных организаций и условной поддержки Временного правительства. Не отличались радикализмом и взгляды Преображенского, исходившего из оценки свершившейся революции как «буржуазной по своим задачам, но [которая] осуществляется силами революционного пролетариата и крестьянства»¹⁷. Разъясняя суть двух частей Программы РСДРП (Программы-минимум и Программы-максимум), он, в частности, отмечал: «В нашей теперешней революции мы можем достигнуть только первой части нашей программы, только ближайших требований. Для достижения же второй части нужно, чтобы рабочий класс стал самым сильным классом в стране, чтоб, освободившись от капиталистов, он был способен сам вести все дело производства. А для этого нужна не только вторая, на этот раз уже социалистическая революция, но и то, чтоб развитие нашей промышленности достигло такой степени, что устранение капитала могло бы совершиться легко и безболезненно. Пока же нам до этого далеко...»¹⁸.

Преображенский вновь в центре революционных событий. Его избирают делегатом на 1-й Восточносибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (7—10 апреля 1917 г.)¹⁹, а спустя некоторое время — делегатом на I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов²⁰. Выступая на этом съезде, он говорил: «Я думаю... мы находимся накануне перелома русской революции и, быть может, нам скоро придется сказать, что русская революция кончилась, что русская революция дала максимум того, что она могла дать»²¹.

После съезда, на котором он был избран членом ВЦИК, Евгений Алексеевич возвращается на Урал. Но вскоре он уже среди делегатов VI съезда РСДРП (б) (26 июля — 3 августа). Здесь он избирается в мандатную комиссию и кандидатом в члены ЦК. При голосовании пункта 9 резолюции «О политическом положении» по докладу И. В. Сталина, в которой перед революционными классами

России ставилась задача взятия власти и ее направления «в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества», Преображенский предложил иную редакцию: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму». Это предложение вызвало резкое несогласие Сталина: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь»²². Эта полемика предвосхитила последующие острейшие споры середины 20-х гг. по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

На съезде Преображенский указал на двоякую возможность дальнейшего развития событий: либо «соглашение между контрреволюционной буржуазией, капиталистами, помещиками и крестьянами», в таком случае «победа контрреволюции может оказаться более глубокой, чем мы думаем, и тогда революция в национальных пределах кончена...», либо «на почве невозможности разрешить все конфликты мелкой буржуазии с крупной ... мы будем поставлены перед новым взрывом революции», пролетарско-крестьянской по своим движущим силам. В отличие от Сталина (докладчика от ЦК), доказывавшего, что «мирный период революции кончился», а потому следует снять лозунг «Вся власть Советам!», Преображенский утверждал: «Роль Советов еще не кончена. Их состав может измениться. Лозунг “Вся власть Советам!” должен быть сохранен, поскольку возможность аграрной революции не исключена». В этой связи он выступал за “взрывы” прямого политического действия рабочих и крестьян (подобные июльскому) лишь «как за подсобное средство, а не как за основное средство борьбы»²³.

Октябрьскую революцию Преображенский встретил на Урале, в Златоусте. Здесь его делегировали на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где он был вновь избран членом ЦИК. Одновременно он был выдвинут в число руководителей Уральской организации большевиков. В мае 1918 г. он становится председателем Уральского областного комитета РКП(б)²⁴.

Весной 1918 г. Преображенский — один из лидеров «левых коммунистов». По вопросу о Брестском мире он характеризовал «позицию Троцкого как компромисс на неделю... Предложенный им выход давал отсрочку для решения вопроса, но не давал самого решения, которое должно было произойти либо в виде подписания мира в случае немецкого наступления, либо в виде революционной войны». Преображенский полагал, что лишь «революционное содержание» деятельности советской власти «служило фактором европейской революции. Отнимите у нее это содержание, и тогда... она превратится неизбежно на практике в орудие германского империализма... Такая власть скомпрометировала бы самую идею диктатуры пролетариата... Весь план тов. Ленина является, в сущности говоря, попыткой спасти жизнь советской власти посредством самоубийства». Отсюда делался вывод: «Революционная война, как бы слабо мы ни были к ней подготовлены, неизбежна... Эта война укрепит советскую власть внутри страны и никакие поражения на внешнем фронте не в состоянии будут ее свалить»²⁵. Почти вся парторганизация Урала поддержала позицию «левых коммунистов»²⁶.

Преображенский не остался в стороне и в апреле — мае 1918 г., когда обсуждались вопросы экономической организации нового общества. Н. И. Бухарин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, Г. Сафаров и другие лидеры «левых» отрицательно отнеслись к идее Ленина использовать государственно-капиталистические формы при организации хозяйства²⁷.

Левизна Преображенского на послеоктябрьском этапе российского революционного процесса ничуть не противоречила его умеренности в период от Февраля к Октябрю. В основе и той, и другой позиции лежала общая причина: осознание того факта, что материальных, экономических предпосылок для социализма в стране недостаточно. Отсюда — до Октября — стремление не брать преждевременно власть, а после — желание компенсировать слабость материальной базы

пролетарского режима в России радикализацией политико-идеологического процесса, чтобы, по терминологии тех лет, «не переродиться», «не предать мировую революцию», «продержаться» до нее и т. д.

В мае — июне 1918 г. Преображенский — один из организаторов отпора белочехам.

На Урале, охваченном пламенем гражданской войны, он создает свою первую крупную работу «Анархизм и коммунизм», в которой отразились тогдашние представления большевистской партии о коммунизме как централизованном плановом хозяйстве — антитезе рыночной экономике.

В июле 1918 г., будучи делегатом от Урала на V съезде Советов, он участвовал в разгроме партии левых эсеров в Москве, был контужен. Затем командирован Реввоенсоветом на несколько дней в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в расположенных здесь воинских частях. Таким образом, во время расстрела царской семьи Преображенского на Урале не было.

После падения Екатеринбурга, когда красные отступили на север, Преображенский возвращается на Урал, где возглавляет Уральский областной комитет партии, взявший на себя функции политотдела 3-й армии²⁸. Вторая половина 1918 г. — это, пожалуй, пик «левачества» Преображенского. В ноябре 1918 г. в Вятке прошли губернский съезд Советов и губернский съезд комитетов бедноты, часть вопросов обсуждалась на совместных заседаниях съездов. По докладу Преображенского была принята резолюция о коммунистическом земледелии, в которой ставились задачи уничтожения частной собственности на орудия сельскохозяйственного производства и перехода целых деревень к общественной обработке земли. Наступление белых армий помешало тогда осуществить эти планы.

Поскольку Уральское областное объединение в ходе гражданской войны потеряло почти всю свою территорию, ЦК постановил распустить Уральский областной комитет²⁹. В начале января 1919 г. Преображенский отзывается в Москву, где начинает работать в редакции «Правды». От Пензенской губернской организации РКП (б) он делегируется на VIII съезд партии (март 1919 г.). Вместе с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Пятаковым, Евдокимовым и Смидовичем его избирают в Президиум съезда³⁰.

Постепенно Преображенский приобретает статус способного теоретика партии. Он входит в состав Программной комиссии, редактировавшей и готовившей окончательный вариант Программы РКП (б), принятой на VIII съезде. Вскоре после этого на материале текста Программы Преображенский вместе с Бухариным всего за три недели напишут знаменитую «Азбуку коммунизма» — популярный учебник коммунистической грамоты для партийных школ³¹. Эта работа — памятник эпохи «военного коммунизма», когда господствовали представления о «немедленном строительстве коммунизма», бестоварная концепция социализма и коммунизма. Однако, учитывая специфические условия строительства социализма в России (низкий удельный вес промышленности в народном хозяйстве, экономическая разруха, мелкобуржуазный характер страны) и курс съезда на союз с середняком, авторы сделали акцент на постепенности революционных преобразований. В частности, намечались достаточно умеренные темпы обобществления аграрного производства³².

В годы гражданской войны большевистская партия не раз использовала блестящие способности Преображенского-пропагандиста, умевшего в критические моменты вдохнуть веру в победу в уставших, деморализованных бойцов. И после VIII съезда партии Преображенского командируют уполномоченным от ВЦИК и ЦК РКП (б) на его родину, в Орловскую губернию. Его задача — помощь местной власти в мобилизации всех сил и средств на борьбу с наступающим Деникиным³³. После освобождения Урала Преображенского направляют на партийную и советскую работу в Уфу, где он пытается наладить деятельность партийных и советских органов, потушить нараставший с конца 1919 г. конфликт на национальной почве между центром и Башреспубликой.

От Уфимской организации он делегируется на IX съезд РКП (б), состоявшийся-

ся в конце марта — начале апреля 1920 г. Съезд избирает его в ЦК, а ЦК — одним из своих трех секретарей. Так революционная волна вознесла Преображенского на самый пик формировавшейся политической пирамиды.

Преображенский перебирается с семьей в Москву. Семья его состояла из трех человек: сам Евгений Алексеевич, жена Р. А. Невельсон и трехлетний сын Леонид; в 1921 г. родилась дочь Ирина. Преображенские поселились во 2-м доме Советов (ныне гостиница «Метрополь»), но довольно скоро переехали в 1-й дом (гостиница «Националь»). Жили скромно; штора делила гостиничный номер на две части, в одной находился кабинет, в другой — все остальное. По воспоминаниям Л. Е. Преображенского, к ним часто приходили Н. И. Бухарин, Л. П. Серебряков, Н. Н. Крестинский, М. В. Фрунзе, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др. Вместе отмечали праздники, дни рождения. Стол был скудным. Однако особая одухотворенность отличала эти вечера. Душой компании был Бухарин. Они были особенно близки с Евгением Алексеевичем в эти годы.

На IX съезде РКП (б) Преображенский был избран сразу в два руководящих органа — Оргбюро и Секретариат. Работа в Оргбюро отнимала у Преображенского почти все время. Заседания проводились обычно раз в 3—4 дня и шли довольно долго, поскольку в среднем рассматривалось 30—35 вопросов. В те дни, когда не было заседаний Оргбюро, Преображенский работал в Секретариате. Прежде всего необходимо было принять посетителей. Как вспоминал Преображенский, в день через его кабинет проходило до двух десятков человек. Кроме того, надо было одновременно решать не меньшее количество «бумажных» дел. На литературную работу времени уже не хватало. Преображенский не мог мириться с бюрократизмом, который охватил к 1920 г. центральный аппарат партии в связи с концентрацией в его руках большинства функций по управлению партией и страной. На почве материального неравенства членов партии, привилегий, злоупотреблений аппаратчиков, отсутствия демократизма, во многих партийных организациях наметилось противостояние руководства партийным «низам», требовавшим изменения порядков в партии. И Преображенский попытался изменить ситуацию. Летом 1920 г. к Пленуму ЦК им были подготовлены тезисы, легшие в основу циркулярного письма ЦК о борьбе с бюрократизмом и материальным неравенством в партии³⁴.

Преображенский вошел и в состав первой ЦКК³⁵, избранной для контроля за состоянием партии, разрешением конфликтных ситуаций, возникающих в ней.

3. НА ПЕРЕЛОМЕ

Гражданская война подходила к концу. Перед большевиками вставала задача разработки путей мирного строительства. В связи с этим в РКП (б) обостряется фракционная борьба, выплеснувшаяся наружу в форме ожесточенной дискуссии о профсоюзах. К весне 1921 г. в рядах партии было достигнуто согласие относительно признания необходимости экономической либерализации и параллельного «закручивания гаек» в политико-идеологической сфере (решения состоявшегося в марте 1921 г. X съезда РКП /б/ о замене продрозверстки продналогом и о запрете фракционной деятельности).

Преображенский играл заметную роль в период подготовки и проведения X партсъезда: он поддерживал «буферную» платформу Бухарина в дискуссии о профсоюзах, а на самом съезде — совместный проект резолюции Бухарина — Троцкого; представил съезду проект тезисов о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии, сделал от имени ЦК доклад на эту тему; первым выступил в прениях по докладу Ленина о замене продрозверстки продналогом. Кроме того, при поддержке Ленина он предложил съезду принять специальную резолюцию о необходимости пересмотра финансовой политики, приведения ее в соответствие с новой экономической политикой. Тем не менее его позиция по вопросу о профсоюзах повлияла на то, что он (как и два других

секретаря ЦК — сторонники платформы Бухарина — Троцкого — Н. Н. Крестинский и Л. П. Серебряков) не был избран в новый состав Центрального Комитета и соответственно Секретариата ЦК. Ленин, едва не потеряв контроль над партией в ходе дискуссии о профсоюзах, позаботился о том, чтобы в состав Оргбюро и Секретариата — органов, к тому времени контролировавших почти всю деятельность партии, — вошли его сторонники. В состав Секретариата ЦК были избраны В. М. Михайлов, В. М. Молотов, Е. М. Ярославский.

Но нет худа без добра. После X съезда РКП (б) у Преображенского появилось больше времени для научно-исследовательской, научно-организационной работы (хотя вплоть до второй половины 1927 г. он продолжает занимать ответственные партийно-государственные посты: заведующий Главным управлением профессионально-технических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), председатель комиссии ЦК и Совнаркома по проведению финансовых реформ, член коллегии Госплана, член Главконцесскома и др.)³⁶. Его теоретическая работа осуществляется в эти годы в стенах Социалистической (позже — Коммунистической) академии, членом Президиума и заместителем председателя которой он являлся. Первый номер «Вестника Социалистической академии» открывался вступительной статьей Преображенского, посвященной ближайшим задачам академии, которая, по его мнению, должна была сделаться своего рода «Госпланом в области идеологии». Преображенский интенсивно публикуется в периодической печати: в «Правде», «Экономической жизни», «Известиях», «Вестнике Коммунистической академии», «Красной нови», «Пролетарской революции» и др. Конкретные проблемы, анализируемые им в той или иной статье, подчинены решению главной «сверхзадачи» — как увязать социалистическую перспективу с нэпом? Ибо поворот 1921 г. внес смятение в умы большевиков: «С новой экономической политикой у нас случилось так, что несколько месяцев большинство коммунистов, особенно в провинции, находились в каком-то обалделом состоянии. Не было ясно, куда мы идем и как вообще можно придти теперь туда, куда мы вообще идем»³⁷.

Схема интеллектуальной эволюции, проделанной Преображенским в 1921—1923 гг., приблизительно следующая: от решения конкретных финансовых проблем, поставленных нэпом, через углубленный анализ крестьянского вопроса к созданию целостной теории пути к социализму в России: концепции первоначального социалистического накопления.

В марте 1922 г. в условиях резко обострившегося финансового кризиса собрался XI партсъезд. На нем Преображенский сделал содоклад по финансовому вопросу вслед за наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым. Докладчики ввиду острого бюджетного дефицита исключали «возможность немедленной денежной реформы, направленной на создание устойчивой денежной валюты»³⁸. Такой реформе, по их мнению, должно было предшествовать осуществление специальной программы финансового оздоровления народного хозяйства: широкое развитие торговли, денатурализация экономических отношений, радикальное освобождение госсектора от балласта мелких и средних предприятий, жесткая урезка административного аппарата.

К съезду Преображенский также подготовил тезисы о политике партии в деревне, в которых попытался с учетом начавшихся процессов развития товарно-денежных отношений в деревне наметить задачи партии в отношении различных слоев крестьянства. Эти тезисы были посланы первоначально Ленину, который, ознакомившись с ними, направил письмо членам Политбюро. Ленин признал тезисы «неподходящими» и предложил вместо них организовать на съезде совещание делегатов, работающих в деревне, с целью изучения местного практического опыта. «Все тезисы т. Преображенского архи- и переакадемичны; интеллигентщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос- и хозработа», — такова была жесткая оценка Ленина.

О чем же говорилось в этих тезисах? О том, что после отмены продразверстки и в связи с увеличением емкости городского товарного рынка развитие кре-

стьянских хозяйств начинает идти по пути превращения их из хозяйств потребительских в товарные. Возобновляется процесс социального расслоения. Появляется кулачество. Этот слой, выполняя функции интенсификации своими мелкобуржуазными методами, представляет собой тем самым необходимое звено в формировании новых экономических отношений в деревне. Поэтому «политика неприятия этого слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. была бы вреднейшей ошибкой», писал Преображенский. Ленин возразил: «война, например, может принудить к комбедовским способам». Указывая на недопустимость внеэкономического принуждения, Преображенский писал о необходимости государственных мер по ограничению эксплуататорских устремлений кулачества с помощью более высокого налогообложения. Было бы грубейшей ошибкой, считал Преображенский, поддерживать этот слой в ущерб другим, под предлогом скорейшего поднятия сельского хозяйства. Ленин поддержал это предложение. Далее, Преображенский писал о необходимости «использовать в доступных размерах начавшийся процесс капиталистического накопления в деревне для накопления социалистического». Ленин пометил: «Последние слова II-го параграфа верны, но непопулярны и не развиты. Подработать надо»³⁹. На наш взгляд, в середине 20-х гг. Преображенский и его оппонент Бухарин (с 1923 г.) попытались каждый по-своему развить («подработать») эту поддержанную Лениным идею. Однако Бухарин обжегся на лозунге «Обогащайтесь!», а Преображенский попал в «теоретики троцкизма». Своими размышлениями о перспективах развития деревни в условиях нэпа Преображенский в определенной степени опередил события: то, о чем он писал в тезисах, стало актуальным в середине 20-х гг.

Сразу же после XI съезда партии Преображенский отправляется в Италию для участия в Генуэзской конференции (там, в частности, произошла его встреча с выдающимся английским экономистом Д. М. Кейнсом)⁴⁰. В работе «Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы» Преображенский, не отказываясь в принципе (в стратегии) от концепции мировой пролетарской революций, обосновывает идею развития экономического сотрудничества советской страны с западными странами в ближайший период (в тактике)⁴¹.

Курс в среднесрочной перспективе на мирное сосуществование с мировым капитализмом, на широкое использование товарно-денежных отношений в советской экономике явно не укладывался в рамки Программы партии, принятой на VIII съезде и отражавшей представления о возможности на волне мировой революции и использования военно-коммунистических методов прямо перейти к первой фазе коммунизма (бестоварному социализму). В 1922 г. Преображенский пишет книжку «От нэпа к социализму (взгляд в будущее России и Европы)», где пытается обрисовать перспективы развития страны за «десятилетия нэпа». Модель будущей эволюции основывалась на понимании нэпа как товарно-социалистической экономики, в которой борются элементы социализма и капитализма. В результате этой борьбы, по прогнозу Преображенского, советское общество в конце 20-х гг. попадает в «экономический тупик», выход из которого обеспечивает помощь европейского пролетариата, победившего в европейской социалистической революции конца 20-х — начала 30-х гг. В этом прогнозе безусловно нащупана тенденция развития советской и мировой экономики (вспомним структурный кризис капитализма в 1929—1933 гг. и обострение отношений города и деревни в СССР к концу 20-х гг.), хотя и приведшего к иным результатам: переходу к массивному государственному вмешательству в экономику на Западе, к сталинской «революции сверху» в Советской России. В 1922—1923 гг. Преображенский еще не раз попытается привлечь внимание партии к вопросу о перспективах нэпа, о необходимости изменения военно-коммунистической программы партии⁴². Однако он говорил для глухих. Весной 1923 г. фактически уходит от дел Ленин. Летом и осенью в стране нарастают хозяйственные затруднения. В партии разворачивается острая дискуссия. В ее верхнем эшелоне усиливается борьба за власть. Тут было не до программы.

21 января 1924 г. Ленин умер. Ушел из жизни, пожалуй, единственный из людей, перед кем Евгений Алексеевич, человек довольно ироничный по натуре, испытывал чувство благоговения (что, впрочем, не мешало ему нередко полемизировать с ним). Ленин же ценил Преображенского как крупного экономиста-марксиста, неоднократно привлекал его как эксперта по проблемам финансовой политики. Сближало их и общее увлечение: оба были страстными охотниками⁴³. Отношения взаимной симпатии сложились и между Преображенским и Крупской, с которой была дружна его вторая жена, П. С. Виноградская (они поженились в середине 20-х гг.)⁴⁴.

Однако теплые личные отношения не мешали Ленину в ряде случаев резко критиковать Преображенского. Так, на XI съезде РКП (б) Ленин, отметив отсутствие у Преображенского политической гибкости, указывает: «...читается буква, за буквой и строчка за строчкой (партийной программы. — *Авт.*), а на дальнейшее человек глядеть не хочет... Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели. Не потому, что тов. Преображенский неправильно понимает политику вообще, а потому, что он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону, а, когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное»⁴⁵.

По Ленину, главный недостаток Преображенского как политика — отсутствие гибкости при проведении в жизнь партийной программы. Действительно, такой «грех» за Евгением Алексеевичем водился. Но, как представляется, не это было главным и не это определило драму его жизни, как, впрочем, и судьбы Ленина, большевизма, России. Корень трагедии был глубже и заключался, думается, в безудержном стремлении Преображенского (и большевизма в целом) подчинить жизнь догме, любой ценой переделать реальность в соответствии с умозрительно сконструированным идеалом. Ленин был гибче, Преображенский — прямолинейнее в своем служении идее. Но и тот, и другой ради свободы, счастья абстрактного человека будущего не останавливались перед лишением свободы и жизни множества реальных людей.

«Пролетариат в борьбе за власть жесток и беспощаден, — писал в 1923 г. Преображенский. — Он не только не щадит своих врагов, но не щадит, где это нужно для дела, и лучших представителей своего класса. Высшая мудрость пролетарской борьбы состоит не в том, чтобы каждый ковырялся внутри собственной личности и декларировал насчет ее прав, а в том, чтоб каждый умел беззаветно, почти стихийно, без фраз и лишних жестов, не требуя ничего лично для себя, влить свою энергию и энтузиазм в общий поток, пробиться к цели со своим классом, м. б., свалившись мертвым по дороге... Пролетариат только тогда реализует полностью все силы своего класса, когда каждый отдельный член класса будет готов, когда нужно, бросить свое тело на постройку моста, по которому весь пролетарский коллектив перешагнет в общество будущего»⁴⁶. Преображенский отмечал, что в юности властителями его дум были М. Е. Салтыков-Щедрин и особенно Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев⁴⁷. Вероятно, в те годы он подписался бы под следующими словами своего земляка Писарева: «Жизнь не терпит произвольных ампутаций и механических склеиваний; кто хочет коверкать на свой лад живую действительность, тот этим самым желанием обнаруживает полное непонимание жизни и полную неспособность действовать на нее благотворно... Самое драгоценное достояние человека — его личная независимость, его свобода»⁴⁸.

Между тем, пройдя в погоне за социалистической химерой сквозь тернии подполья, революции, гражданской войны, красного террора, Преображенский в 1923 г. смог без тени сомнения написать: «С точки зрения социалистической является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть

лишь отдельная точка при переходе рода от прошлого к будущему... Преждевременно ставать вопрос, можно ли в будущем ожидать вмешательства социалистического государства, а когда его не будет, вмешательства науки в половую жизнь в целях улучшения расы путем искусственного полового отбора. Здесь нам нужно лишь указать на полное и безусловное право общества довести свою регламентацию половых связей даже до этого предела»⁴⁹. И здесь опять приходят на память слова Бердяева: «В первоисточках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилась в новую бесчеловечность»⁵⁰.

И не в бескомпромиссном ли атеизме коренились, как полагал С. Булгаков, причины характерного для русского коммунизма «жесточайшего насилия с попранием всех личных прав»? Ибо для русского коммунизма не существовало «тех религиозных границ, которые полагаются насилию признанием личной свободы и неотъемлемых прав личности на самоопределение»⁵¹.

4. «Я СЧИТАЛСЯ ОДНИМ ИЗ ТЕОРЕТИКОВ ТРОЦКИЗМА»

Итак, с отходом от дел, а затем и смертью Ленина в партии усиливаются разногласия, разгорается борьба за власть. В ходе внутрипартийной дискуссии 1923 г. Преображенский выступил на стороне Л. Д. Троцкого, позиция которого из всех членов Политбюро была ему наиболее близкой. Их объединяла с Троцким общность взглядов по следующим основополагающим вопросам внутренней и внешней политики партии: стратегическая ориентация на мировую пролетарскую революцию, без которой, как они думали, победа социализма в СССР была невозможна; приоритетное внимание к промышленному сектору экономики; подчеркивание роли планирования; стремление к демократизации внутрипартийной жизни.

По мнению Преображенского, усложнение экономической обстановки при нэпе требовало развития самостоятельности первичных партийных организаций, большинство же ЦК пошло по пути противопоставления этому процессу усиления роли аппарата, что приводило к замиранию внутрипартийной жизни, росту карьеризма в партии⁵². Усложнение задач руководства политической и хозяйственной жизнью в условиях нэпа требовало, полагал Преображенский, и изменения методов работы членов ЦК по выработке и принятию важнейших решений. «Вынужденный универсализм ЦК и его отдельных членов при решении ряда вопросов» являлся одним из вредных пережитков, «военного коммунизма», который препятствовал повышению уровня компетентности в деятельности ЦК. Он предложил создать из членов ЦК и наиболее квалифицированных специалистов «ряд постоянных комиссий по основным отраслям нашей политической, экономической, научно-просветительской, административно-советской и партийной деятельности», что позволило бы «партии руководить хозяйством не на словах, а на деле»⁵³.

Интересен подход Преображенского к сложной политической проблеме, сформулированной в свое время Лениным: «вождь — партия — класс — массы». В результате роста авторитета Ленина, отмечал Преображенский, в «партии установилась такая система отношений между коммунистами и их вождем, которая напоминала что-то вроде деловой диктатуры, основанной на доверии... В централизованной партии, но остающейся одновременно массовой партией рабочего класса, выработка наиболее целесообразных решений при сохранении максимального единства и быстроты в действии представляет из себя крайне сложную и трудную проблему. Решение этой проблемы при наличии такого вождя, как Ленин, и без такого вождя не может быть одинаковым... Вариант без вождя... требует замены той социальной функции, которую выполнял вождь, соответствующим эквивалентом в отношении партии и ее центров с рабочей массой и в изменении в связи с этим методов работы внутри партии»⁵⁴. Из ситуации «без вождя» Пре-

ображенский видел выход не на путях создания «новых вождей», а на пути замены складывающегося аппаратного режима фракционной диктатуры «большинства» режимом рабочей и внутрипартийной демократии⁵⁵.

Широкая пролетарская внутрипартийная демократия в условиях фактического слияния функций правящей партии по политическому и хозяйственному управлению страной, по мнению Преображенского, позволила бы своевременно учитывать колебания хозяйственной конъюнктуры, корректировать курс экономической политики, осуществляя тем самым реальное, а не только декларативное, регулирующе-плановое воздействие на экономику.

В ходе второй части дискуссии 1923 г. Преображенский сыграл значительную роль в разработке альтернативной взглядам «большинства» экономической программы. Ее основные пункты включали: «усиление планового начала в нашем хозяйстве», «вопрос о необходимости усиления борьбы с нэповским накоплением», товарную интервенцию, необходимость «в корне реорганизовать теперешнюю кооперацию, которая не контролируется снизу и в этом отношении не представляет общественное учреждение, не подвергается контролю сверху и потому торгует хуже, чем государственные торговые предприятия», и др.⁵⁶ Преображенский ездил в это время по районам Москвы, выступал на собраниях партийного актива в качестве содокладчика представителей «большинства», предлагал принять свой вариант резолюции по экономическим вопросам⁵⁷. На одном из таких собраний он объяснял свое поведение следующим образом: «Я советую и считаю, [что] каждому докладчику Центр. Комитета [нужно] быть похожим на тов. Ленина. Тов. Ленин, начиная свой очередной доклад перед партией, меньше всего думал, чтобы преуменьшить те ошибки, которые были сделаны за этот год. Он совершенно ясно и категорически называл [их], нарочно преувеличивая, с педагогическими последствиями для наших партийных работников, он не нуждался в содокладчиках, которые бы доказывали то, что не досказал официальный докладчик ЦК. Я принужден, товарищи, преследовать тов. Каменева на каждом собрании, где он докладывает от имени Ц. К. Сегодня принужден некоторые дополнения сделать по докладу тов. Сокольникова, потому что функции, которые были выполнены нашей партией, поскольку мы имели всегда от тов. Ленина совершенно объективный обзор, где он не скрывал ошибок, эти функции не выполняются официальными докладчиками Ц. К. /Аплодисменты./»⁵⁸.

Собравшаяся в январе 1924 г. XIII партконференция как бы завершала трехмесячный марафон дискуссии, подводила ее итоги. Основным докладчиком по вопросу о партстроительстве от «большинства» на вечернем заседании 17 января 1924 г. выступил Сталин. На следующее утро, попросив 40 минут для содоклада, по тому же вопросу выступил Преображенский. Сталин закончил свой доклад призывом не терпеть фракции и группировки в партии, держать партию единой и монолитной. Он предложил также рассекретить пункт резолюции X съезда о единстве, согласно которому ЦК получал полномочия исключать из партии тех, кто нарушал партийную дисциплину или создавал фракции. Возражая, Преображенский бросил: «Тов. Сталин, вы искусный политик, вы должны прекрасно понимать, какой смысл это имеет против определенной части нашей партии, которая выполняла необходимые функции в партии, предупреждала от опасностей старого курса. Это определенное орудие, и им вы запугиваете всю партию целиком»⁵⁹. В содокладе Преображенский суммировал аргументы в пользу расширения внутрипартийной демократии. Он также выступил на конференции по докладу Рыкова, посвященному хозяйственным вопросам, отстаивая экономические взгляды «левых».

Оппозиция не смогла добиться существенных реальных перемен внутри партии, изменения методов формирования и реализации политического курса. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) подтвердил своим авторитетом характеристику, данную оппозиции XIII партконференцией: «мелкобуржуазный уклон». Отказавшись от конструктивного диалога с оппозицией, руководство партии встало на путь непримиримой политической борьбы с любыми проявлениями инакомыс-

лия, с любыми отклонениями от «генеральной линии». В итоге ярлык «оппозиционера» и «троцкиста» оказался надолго приклеенным к имени Преображенского. Он станет главным критерием оценки его взглядов и действий.

В середине 20-х гг. Преображенский создает свой главный труд — «Новая экономика», посвященный анализу теоретических закономерностей развития советского хозяйства, конкретных путей перехода к социализму в условиях нэповской России. Появившиеся в печати главы, а потом и вся первая часть 1-го тома «Новой экономики» попали под политически заостренный критический обстрел. Главным оппонентом выступил бывший соавтор и друг — Бухарин⁶⁰, который, по мнению Преображенского, «теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня»⁶¹.

Из всего круга проблем «Новой экономики» мы выберем лишь одну, вызывающую до сих пор несправедливые обвинения по адресу Преображенского. Речь идет о «теории первоначального социалистического накопления». Но сначала подчеркнем ключевую деталь. Е. А. Преображенский, как и его главный оппонент Н. И. Бухарин, принадлежал к господствовавшему течению советской марксистской мысли 20-х гг., рассматривавшему социализм как бестоварный планомерно-организованный строй, как антитезу капитализму и товарному производству. Согласно данным представлениям, государственная промышленность считалась в основном социалистической, а мелкотоварное производство составляло источник развития капитализма. Исходя из этого, вполне правомерен и логичен был взгляд Преображенского на советскую экономику как на смешанное хозяйство, в котором социализм с его плановостью противостоит укладам, функционирующим на основе частной собственности и рынка. Основной угол зрения, под которым проведен теоретический анализ советского хозяйства в «Новой экономике», это представление об экономическом развитии к социализму как постоянной борьбе противостоящих друг другу социалистических и товарно-капиталистических форм хозяйства. И именно потому, что Бухарин исходил из тех же представлений о социализме и рынке, он не мог спорить с Преображенским по существу.

Однако сложность пути к социализму в России, по Преображенскому, была не только и даже не столько в борьбе плановых и рыночных форм внутри страны (поскольку частнохозяйственный капитализм в России был относительно слаб), сколько в технико-экономическом отставании советского народного хозяйства от западных экономик, что делало СССР крайне уязвимым при возможном военном столкновении. В этой связи, как считал Преображенский, «бороться за свое существование для государственного хозяйства на данной стадии означает как можно скорее пробежать тот опасный период его жизни, когда оно и экономически, и технически слабее капиталистической экономики»⁶². Стране предстояло пройти особый период «первоначального социалистического накопления», который должен был продолжаться до тех пор, «пока наше государственное хозяйство не получит технического и экономического преобладания над капитализмом»⁶³. Сложность задачи усугублялась тем, что Россия сравнительно с дореволюционным временем лишилась внешних источников финансирования, средства из которых (прямые инвестиции и займы) в основном направлялись в тяжелую промышленность; кроме того, основной капитал (оборудование) российской промышленности из-за мировой и гражданской войн длительное время не обновлялся («проедался») и был крайне изношен. Поэтому стране грозило нарастание хозяйственной диспропорции между промышленными отраслями групп «А» (тяжелая индустрия) и «Б» (легкая промышленность); между промышленным и аграрным секторами экономики, что, в свою очередь, было чревато политическим кризисом и крахом пролетарской диктатуры. Следовательно, чтобы обеспечить объем капиталовложений, необходимый для осуществления расширенного воспроизводства народного хозяйства (а тем более, для преодоления технико-экономической отсталости), была неизбежна перекачка в промышленность части ресурсов из аграрного сектора. Более того, поскольку на 3 млн. индустриальных

рабочих в СССР приходилось 22 млн. крестьянских хозяйств, постольку объективно большую часть затрат на индустриализацию должно было нести крестьянство. Соответственно ставилась задача определения путей и методов перекачки части избыточных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный (Преображенский предлагал использовать в основном не прямое, а косвенное налогообложение деревни). И он призывал не к тому, чтобы превращать деревню в колонию города, чтобы «брать больше» в деревне, чем брал царизм, чтобы пролетариат эксплуатировал крестьянство, в чем его несправедливо обвиняют, начиная с 20-х гг., а к тому, чтобы «брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны»⁶⁴. То есть речь здесь шла о том, чтобы использовать накопления богатеейшей деревни для индустриализации страны, а вовсе не о том, чтобы посадить село на голодный паек.

Однако построение схемы динамического равновесия советского народного хозяйства показало Преображенскому, что внутри страны недостаточно средств для осуществления пропорционального развития экономики, которое позволило бы одновременно и преодолеть нарастание межсекторской диспропорции, и ликвидировать технико-экономическую отсталость, и сохранить социалистическую перспективу. В статье «Хозяйственное равновесие в системе СССР», опубликованной в «Вестнике Коммунистической академии» в 1927 г., представлявшей часть так, очевидно, и не завершенного второго тома «Новой экономики», он следующим образом подытожил результаты своих экономических изысканий: «Нам достаточно было только наметить в самых общих чертах основы динамического равновесия хозяйственной системы СССР, чтобы видеть всю сумму экономических и социальных противоречий, которые неизбежно обнажает наше развитие к социализму в условиях нашей изолированности.

Накопление на базе неэквивалентного обмена — и необходимость ликвидации этой неэквивалентности с несовпадением во времени этих процессов.

Накопление за счет прибавочного продукта рабочих — и неизбежность систематического роста заработной платы.

Необходимость, в интересах сокращения „мук родов индустриализации“, максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличения внешних кредитов, — и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира.

Накопление за счет производящего сырья крестьянства наряду со всем крестьянством вообще — и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья.

Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления — и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен.

Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства — и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части — хозяйства бедняцких и маломощных групп деревни.

Необходимость снижения цен на базе рационализации производства — и борьба с растущей безработицей.

Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам, и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран»⁶⁵.

«„Закон“ Преображенского, — по определению Ст. Коэна, — явился грандиозной мозаикой из проницательного анализа, широких исторических аналогий, теоретических новшеств и соображений, связанных с экономической политикой»⁶⁶. Однако в середине 20-х гг. важные теоретические разработки Преображенского рассматривались сталинско-бухаринским большинством исключительно сквозь призму борьбы с «троцкизмом», звучавшие в них предостережения о на-

растающей (вследствие отставания развития промышленности от растущих потребностей аграрного сектора) хозяйственной диспропорции, чреватой острейшим политико-экономическим кризисом, игнорировались, клеймились как «сверхиндустриализм», объявлялись «неверием» в победу социализма в СССР. Объективные экономические проблемы «большинство» пыталось «решить» идеологическими заклинаниями и политическими репрессиями.

В 1927 г. острота борьбы в партии между большинством и «левой» оппозицией достигла своей предельной точки. Легальные возможности отстаивания оппозиционных взглядов в партийной печати были сведены до «аптекарской дозы» в «дискуссионном листке» раз в два года⁶⁷. «Левые» переходят к нелегальному печатанию своих материалов. В организации подпольной типографии активное участие принимает Преображенский вместе с Л. Серебряковым, Я. Шаровым и др., за что они исключаются из партии. Трое берут всю вину на себя: «Заявляем вам, что политически ответственными за это дело и его организаторами являемся мы, нижеподписавшиеся, а не случайно связанные с этим беспартийные... Мы требуем немедленного освобождения всех арестованных по данному делу, так как за все отвечаем мы» (из заявления Преображенского, Серебрякова, Шарова)⁶⁸.

Во время демонстрации 7 ноября 1927 г. Преображенский, Смилга и другие видные деятели оппозиции выступали в Москве с балкона бывшей гостиницы «Париж», выходявшей на угол Охотного ряда и Тверской, перед проходящими колоннами демонстрантов с лозунгами «левых»⁶⁹. Точку поставил состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б), признавший «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии»⁷⁰. Преображенский подал в Президиум съезда заявление, в котором решительно отвергал беспочвенные обвинения по своему адресу⁷¹, но, разумеется, это было безрезультатным: вместе с остальными лидерами «левой» оппозиции он был выслан из Москвы и попал в г. Уральск (в 1929 г. переведен сначала в Казань, а в конце года — в Нижний Новгород, в марте 1930 г. вызван в Москву).

Однако ссылка не сломила его. Преображенский ведет переписку с соратниками, анализирует протекающие в стране и в партии процессы⁷². Интересный документ этого времени — тезисы Преображенского «Левый курс в деревне и перспективы» (23 апреля 1928 г.)⁷³. Анализируя потрясший советскую экономику в начале 1928 г. кризис хлебозаготовок, Преображенский видит в нем подтверждение справедливости экономической программы «левой» оппозиции. По его мнению, этот «хозяйственный кризис в СССР не является ни кризисом конъюнктурным, ни кризисом только экономическим: это кризис длительный и кризис социальный. В основе его лежат два коренных факта: отставание промышленности от сельского хозяйства, т. е. отставание с индустриализацией страны, во-первых, и обострение имманентного нашей системе противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, что до сих пор прежде всего выражалось в растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов деревни в руках кулачества, во-вторых».

Преображенский моделирует два возможных альтернативных пути выхода из кризиса: «правый курс» — «попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность без затрат на это государственных ресурсов... Эта политика неизбежно потребовала бы увеличения нажима на рабочий класс в городе (рост хлебных цен, увеличение норм выработки и т. д.), а в деревне была бы связана с ростом аграрного перенаселения, а также с замедлением темпа индустриализации страны». Причем, поскольку кулачество терроризировано примененными недавно «чрезвычайными мерами», постольку за то, чтобы внушить ему доверие, «пришлось бы заплатить какой-то неслыханной ценой, ценой настолько резкого поворота вправо, что даже самые правые из наших правых ...на это не решатся...». На этом пути возникала и опасность утраты политической власти.

«Левый курс» — «политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты» на путях производственной кооперации, создания совхозов. Чтобы блокировать контртенденции, объективно порождаемые «левым курсом» (возможное сокращение производства в крупнотоварных зажиточно-кулацких хозяйствах и сложность его компенсирования расширением производства в преимущественно потребительских бедняцко-средняцких хозяйствах), Преображенский предложил систему взаимоувязанных мер: 1) «ускорение темпа индустриализации, потому что хлеб у этих (средняцко-бедняцких. — *Авт.*) слоев можно брать **только экономическими методами**, только товарообменом, добиваясь экономическими путями также и уменьшения потребления с.-х. продуктов в деревне за счет увеличения спроса на предметы потребления индустриального производства (подчеркнуто нами. — *Авт.*); 2) вести левую политику в Коминтерне, «гарантирующую большую обороноспособность СССР в случае войны»; 3) расширение социальной опоры партии в городе, причем, поскольку значительное улучшение материального положения рабочих объективно невозможно, постольку необходимо «немедленное улучшение правового положения рабочих, особенно внизу на фабрике, т. е. проведения режима рабочей демократии».

Предлагавшийся Преображенским пакет мер представляется достаточно уязвимым. Подъем товарности бедняцко-средняцких крестьянских хозяйств экономическими методами в самом деле предполагал ускорение темпа индустриализации, но последнее, в свою очередь, требовало роста товарного производства сельскохозяйственной продукция (чтобы обеспечить промышленность сырьем, а рабочих — питанием). Форсирование же индустриализации за счет «затягивания поясов» рабочих плохо стыковалось бы с предложением расширить социальную опору в городе. Вероятно, Преображенский, как и в более ранних своих работах, надеялся на вторую ипостась «левого курса» — революционную политику в Коминтерне, успех которой мог привести к победе социалистических революций в развитых европейских странах, что, казалось ему, решило бы и проблему промтоваров для деревни.

5. «ТЫ ВСЕ ЖЕ ДОЛЖЕН ИДТИ С ПАРТИЕЙ»

В связи с высылкой в 1929 г. за пределы СССР Троцкого и резким «полевением» Сталина в рядах оппозиции усиливаются колебания. 25 апреля 1929 г. в письме Суварину Троцкий пишет: «Вы сообщаете о колебаниях Радека, Смилги и Преображенского. Я об этом знаю достаточно хорошо. Они колеблются не первый месяц, не первый день и не первый год»⁷⁴. 13 июля 1929 г. после долгих продолжительных переговоров и «торгов» в «Правде» публикуется «Заявление в ЦКК бывших руководителей троцкистской оппозиции тт. Е. Преображенского, К. Радека и И. Смилги о разрыве с оппозицией», помеченное 10 июля. В показаниях, написанных в тюрьме при последнем аресте в 1936 г., Преображенский отмечал, что наибольшую сложность в переговорах между ЦК и лидерами оппозиции о признании своих ошибок и разрыве с оппозицией занял пункт о признании всей осуществляемой руководством политики ленинской.

Подача заявления в ЦКК в письме активного деятеля оппозиции Е. Солнцева своим соратникам была расценена как «неслыханное предательство»⁷⁵. По нашему мнению, поступок Преображенского, Смилги и Радека свидетельствовал о том, что они верили, что большинство ЦК во главе со Сталиным, ударив по правым, перешло на их позиции⁷⁶. А раз исчезла политическая основа разногласий, надо, отбросив былые обиды, вернуться в партию. Преображенский еще не знал, какими методами будет Сталин бороться за осуществление «генеральной линии». Когда же он это увидел, то полностью поддержать эти методы не смог: «Я мог стрелять так, как я хотел, а не так, как партия стреляла... И вот я был исключен из партии второй раз... (во время горячих боев за коллективизацию в деревне)»⁷⁷.

В промежутке между двумя исключениями из партии Преображенскому уда-

ется опубликовать ряд теоретических экономических работ⁷⁸⁻⁷⁹. Наиболее глубокие из них — «Теория падающей валюты», в которой исследуются развитие валютных систем в условиях денежной эмиссии и инфляции, влияние этих процессов на производство, психологию потребителя, и «Закат капитализма», показывающая, как монополизм — следствие концентрации производства — деформирует, сравнительно с эпохой свободной конкуренции, капиталистический производственный цикл, в результате чего оказывается чрезвычайно затруднен переход во всемирном масштабе к новому циклу расширенного воспроизводства.

Доказав, что в новую эпоху сам механизм капиталистического воспроизводства требует вмешательства в него государства, Преображенский посчитал, что тем самым наступает «закат капитализма», так как «капитализм и плановое хозяйство — вещи несовместимые. Если капитализм заходит в тупик и начинает нуждаться в плановом хозяйстве, то плановое хозяйство не нуждается в капитализме»⁸⁰. В жизни оказалось не все так просто. Действительно, старый капитализм — свободной конкуренции, монополистический — зашел в тупик. Но он вышел из него на путях регулируемого рыночного хозяйства (кейнсианство, фашистские варианты). Научная интуиция все же подсказывала Преображенскому, что капитализм может найти выход. В частности, он писал, что «всеобщий экономический кризис при монополизме, **если он не приводит к мировой войне или не прерывается технической революцией**, неизбежно перерастает в общий не только экономический, но и общественный кризис всей системы капитализма»⁸¹ (подчеркнуто нами.— *Авт.*). И сегодня нас привлекает в этой работе Е. А. Преображенского не столько неоправдавшийся прогноз о скором «закате капитализма», сколько вскрытие им — в самом начале 30-х гг.! — действительных резервов тогдашнего капитализма: 1) государственного вмешательства в процесс капиталистического воспроизводства; 2) экспансии военно-промышленного комплекса; 3) использования достижений научно-технического прогресса.

Последние работы Преображенского свидетельствуют о его вступлении в пору творческой зрелости. Однако в печати нарастает травля. Против Преображенского выдвинуто, пожалуй, наиболее убийственное в те годы обвинение — в «контрабанде троцкизма»⁸². В конце 1931 г. Евгений Алексеевич посылает в редакцию журнала «Проблемы экономики» статью «О методологии составления генплана и второй пятилетки». Статью не печатают, но подвергают разносу: цитируют из нее несколько абзацев, сопровождая их развернутыми комментариями, а то и просто ограничиваются одними «комментариями»⁸³.

Что же так смутило оппонентов? Из просочившегося на страницы печати можно понять, что Преображенский, учитывая результаты и опыт первой пятилетки, призывает построить план второй пятилетки так, чтобы по возможности достичь в ходе ее пропорционального развития народного хозяйства. Реконструктивный период «начинается и продолжается при огромной гипертрофии производства средств производства, прежде всего элементов основного капитала... В дальнейшем по мере завершения задач перевооружения неизбежна перестройка взаимоотношений между накоплением и потреблением, неизбежно превращение все больших и больших масс потенциального накопления в реальное потребление общества, либо уменьшение размеров всего общественного труда»⁸⁴. Во второй пятилетке при увеличивающемся из года в год накоплении наступит «совершенно неизбежная диспропорция» между I и II подразделениями как результат усиленного накопления за счет потребления. Чтобы избежать своеобразного «перенакопления» оборудования и продукции тяжелой промышленности, Преображенский предложил с конца 1934 г. постепенно перейти к более ускоренному производству предметов потребления по сравнению с производством средств производства. Иначе — нарастание диспропорций в экономике⁸⁵. Результатом этого вполне здравого анализа стало то, что его одновременно с протаскиванием «троцкистской контрабанды» обвинили в «правооппортунистическом уклоне»⁸⁶. Но вскоре XVII съезд ВКП(б) (январь—февраль 1934 г.) по существу пришел к тем же выводам, что и Преображенский⁸⁷.

В частных беседах с единомышленниками в этот период Евгений Алексеевич подвергал резкой критике политику сталинского руководства. Так, согласно его показаниям на допросе в органах НКВД от 5 июня 1937 г., в 1932 г. он «защищал и проводил следующие положения в отношении политики партии:

1. Темпы коллективизации взяты не по силам. Деревня отошла от середняцкого хозяйства и не освоила коллективное, а в результате резкое падение производительных сил сельского хозяйства; огромные продовольственные затруднения, особенно на Украине, и ряд совершенно ненужных жестокостей в борьбе с кулачеством.

2. Темпы индустриализации взяты непосильные. В результате невыполнение плана капиталовложений, срыв сроков ряда строек, сокращение личного потребления рабочих, перенапряжение в труде и как результат — общее ухудшение материального положения пролетариата.

3. Неверная политика в Коминтерне, приводящая к изоляции компартии в борьбе с фашизмом, особенно в Германии.

4. Невыносимый партийный режим, при котором невозможно обсуждение ни одного большого вопроса, волнующего страну. Партийной дисциплине противопоставлялась троцкистская внутрипартийная демократия.

5. На идеологическом фронте — полнейший застой. Это результат политики ЦК, которая доводит дисциплину мысли до централизации мысли и, культивируя бездарности, задерживает всякое умственное развитие молодежи.

Из всего этого, естественно, делался вывод о необходимости борьбы с политикой ЦК и руководством партии»⁸⁸.

Оппозиционность Преображенского не осталась секретом для «органов». В январе 1933 г. он был выслан ОГПУ за троцкистскую работу и находился в ссылке в г. Семипалатинске по август 1933 г. В январе того же 1933 г. Преображенского во второй раз исключают из партии (был вне рядов ВКП /б/ по декабрь 1933 г.)⁸⁹. Как вспоминает Л. Е. Преображенский, никогда, ни до, ни после, он не видел отца в столь подавленном состоянии. Но надо было жить. А жить без партии Евгений Алексеевич не мог. Нам это может показаться преувеличением, ходульной фразой. Но это было так. В середине 20-х гг. Преображенский написал для журнала «Пролетарская революция» два некролога, посвященных памяти двух женщин-революционерок — В. Н. Лобовой и Е. Б. Бош. В них ему удалось запечатлеть черты «старых, революционеров-большевиков», которые, по его словам, «вымирают быстрее, чем вырубались вишневые сады в дворянских гнездах»⁹⁰. «Основные черты всех старых революционеров того типа во главе с Ильичем — полная и безраздельная преданность интересам рабочего класса и его освободительным целям, полное подчинение всей своей работы, всей жизни интересам коллектива, неразрывная, почти физическая связь с воплощением коллективной воли класса — партией, величайшая скромность в личной жизни, величайшая строгость к себе, отзывчивость по отношению к товарищам»⁹¹. К этому типу революционеров относился и он сам.

31 января 1934 г. Преображенский выступает на XVII съезде партии с внешне покаянной речью, в которой, однако, на наш взгляд, в завуалированной форме содержится критика сталинских методов коллективизации⁹². Не будем преувеличивать: это не оппозиция Сталину, скорее — непроизвольная фронда. Сталин победил. Ценой колоссальных жертв, но все же вывел страну из, казалось бы, тупиковой экономической ситуации конца 20-х гг. И сделал это без помощи так и не вспыхнувшей мировой революции. Преображенский разумом признает это, пытается отречься от своего «я»: «Если у тебя не поворачивается язык говорить так, как говорит партия, ты все же должен идти с партией, должен говорить как и все, не надо умничать, должен больше верить партии». Но как плохо у него это получается! «Когда надо что-нибудь политическое сказать не совсем так, как думаешь, у меня язык не поворачивается. Старые товарищи знают этот мой политический недостаток»⁹³.

Преображенский запутывался все больше и больше. Теоретически он допу-

скал возможность применения насилия по отношению к народу в интересах строительства нового общества, но масштабы репрессивной политики Сталина ужасали его. Умом он должен был признать, что из экономического тупика, в котором в полном соответствии с его прогнозом оказалась страна в конце 20-х гг., при отсутствии революции на Западе, можно было выйти, сохранив верность марксистской догме (идее бестоварного социализма), лишь при помощи «чрезвычайных мер», использованных Сталиным, но его сердце отказывалось принять «Кобу» в качестве наследника Маркса и Ленина, а сталинский «социализм» 30-х гг. — за реальное воплощение своих юношеских грез о счастливом свободном справедливом обществе. Жить с такими мыслями в душе было невозможно. А жизнь продолжалась.

В 30-е гг. Преображенский занимал ряд ответственных постов, но уже не в верхнем эшелоне. В 1929—1930 гг. он являлся заместителем председателя крайкома в Нижнем Новгороде, в 1930—1931 гг. работал в Наркоминделе, в 1932 г. — член коллегии Наркомлегпрома, в 1933 г. работал консультантом областной плановой комиссии в г. Семипалатинске, с сентября 1933 г. — заместитель начальника планового отдела Наркомата совхозов СССР. «После возвращения в партию (в 1934 г. — *Авт.*)», — писал Преображенский в показаниях от 31 декабря 1936 г., — я не хотел и фактически не встречался почти с бывшими троцкистами, кроме Радека. У меня был лишь узкий семейный кружок: я, жена П. Виноградская (которую я погубил), и С. Виноградская. Я вел уединенную жизнь и все время проводил дома и в наркомате». Семья, работа — хрупкое убежище в тоталитарном обществе. «Приближалось время, когда на партийном собрании Наркомсовхоза должно было обсуждаться дело Пятакова, Радека и др., — свидетельствует протокол допроса Преображенского от 16 марта 1937 г. — Я с ужасом думал, что я скажу о себе и об известных мне террористических установках организации (под давлением следствия Преображенский уже признал, что ему о них „известно“. — *Авт.*). Я решил поехать в Астафьево, написав письмо в ЦК о моем предательстве, и покончить с собой. Однако арест расстроил мои планы». Преображенский был арестован 20 декабря 1936 г. В его показаниях от 31 декабря 1936 г. особенно горько читать последние абзацы: «... как можно квалифицировать мою деятельность с точки зрения классово-борьбы.

Отвечаю так: если я оказался предателем и изменником партии в пользу троцкистско-зиновьевских террористов и реставраторов капитализма, значит, также и я работал на пользу ненавистного мне капитализма, борьбе с которым посвятил я лучшие годы моей революционной большевистской деятельности.

Не может быть приговора тяжелей... за высшую меру измены и предательства высшую меру наказания. Я не буду просить никакого снисхождения, жить я после всего пережитого не хочу и весь смысл остатка моих дней до приговора вижу в том, чтоб разоблачением того, что знаю, помочь партии в окончательной ликвидации троцкизма»⁹⁴.

Несколько месяцев длилось следствие. Закрытое же судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР заняло всего 10 минут: началось 13 июля 1937 г. в 14 час. 50 мин. и закончилось в тот же день в 15 час. 00 мин. Обвиненный в преступлениях, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 УК РСФСР, Преображенский был приговорен «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». В тот же день приговор был приведен в исполнение⁹⁵.

* * *

Евгений Алексеевич Преображенский, как и всякий революционер, фигура глубоко трагическая. Ведь революция — это прежде всего ломка старого, предполагающая использование насилия. Однако субъективно последнее применяется революционерами отнюдь не ради того, чтобы «производственные отношения пришли в соответствие с уровнем и характером развития производительных

сил». Для них революция — это всегда «штурм неба», мистика, гуманистическая утопия, в какие бы «научные одежды» она ни рядилась. Но земля не небо: она остается землей. И вот возникает искушение использовать насилие не только для сокрушения отжившего (да и как, кто определит, что «отжило»?), но и для созидания нового, чтобы воплотить утопию, приблизить небо. Так гуманная цель рождает антигуманные методы и тем самым лишается ореола гуманности: искомая «земля обетованная» оборачивается преисподней. Преображенский был слишком честен, чтобы полностью принять антигуманные методы; слишком целен, чтобы отказаться от гуманной цели; слишком умен, чтобы не понять неразрешимости конфликта между ними. И в итоге еще раз подтвердилась горькая истина, открытая Дантоном: «Революция подобна Сатурну, пожирающему своих детей».

Примечания

¹ По политическим причинам жизнь и творчество Е. А. Преображенского длительное время не изучались в советской литературе. В последние годы сделано несколько попыток объективно проанализировать его экономические взгляды: Пути развития: дискуссии 20-х годов. Е. А. Преображенский, Н. И. Бухарин / Сост. Корицкий Э. Б. Л., 1990; Омаров А., Корицкий Э. Концепция «первоначального социалистического накопления» // Финансы и кредит, 1990, № 6; Горинов М., Цакунов С. Е. А. Преображенский: краткий очерк экономических взглядов // Известия АН СССР. Сер. экон. 1990, № 5. Основные биографические вехи отмечены в статье Н. Н. Попова, О. Г. Поповой «Преображенский Евгений Алексеевич» (в кн. «37-й на Урале». Свердловск, 1990). Вместе с тем вышли работы, повторяющие крайне политизированные оценки 20-х гг. См.: Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2. В западной литературе (преимущественно экономической) Е. А. Преображенского считают экономистом-теоретиком, создавшим оригинальную теорию экономического роста и предвосхитившим во многом подобные исследования на Западе на несколько лет. См.: Eich A. The Soviet Industrialisation Debate, 1924—1928. Oxford, 1960; The Crisis of Soviet Industrialization. E. A. Preobrazhensky / Ed. by Donald A. Filtzer. The Macmillan Press LTD, 1980; Ellman M. E. A. Preobrazhenski in: Planning System. New Palgrave. The Macmillan Press. L., 1990.

² Преображенский Евгений Алексеевич: Автобиография (далее — Автобиография) // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41. Ч. 2. С. 120; ЦГАОР СССР, ф. 102 (Д. 7), оп. 1906, д. 6113, ч. 34, л. 1—люб; оп. 1911, д. 2349, л. 26; Государственный архив Орловской области, ф. 64. оп. 1, д. 524, л. 128. Это произошло во время учебы (1897—1905 гг.) в Орловской 1-й классической гимназии.

³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 35.

⁴ Автобиография. С. 121.

⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 9, 24.

⁶ Автобиография. С. 121—124, 128; Голубков А. О 1905 годе (Отрывки из воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 7. (80). С. 9; Преображенский Е. А. В. И. Ленин (Социологический набросок). М., 1924. С. 9. 37.

⁷ ЦГИА Москвы, ф. 418. оп. 32, д. 1496.

⁸ Автобиография.

⁹ ЦГАОР СССР. ф. 102. (ДП ОО). оп. 1908, д. 12, ч. 67, л. 4 об.; д. 42, л. 3; д. 5, ч. 42, л. 42.

¹⁰ Виноградов (Ягодин) Ф. Борьба за коллектив в Александровской высылке в 1910 году / Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934. С. 32.

¹¹ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. Новгород, 1922. С. 233.

^{11a} ЦГАОР СССР, ф. 102 (ДП ОО). оп. 1908. д. 5, ч. 42, л. 55 об.

¹² Савинков Б. В. Избранное. М.: Политиздат, 1990. С. 49.

¹³ Уральский рабочий. 1918. 13 августа.

¹⁴ Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип // Наш современник, 1990, № 11. С. 137.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 1028, л. 7.

¹⁶ Каторга и ссылка, 1928. № 6. С. 121; Забайкальский рабочий. 1917. 18—19 марта.

¹⁷ Преображенский Е. Двоевластие, двоедушие, малодушие // Там же. 1917. 31 марта.

¹⁸ Преображенский Е. О программе нашей партии // Там же. 22 марта.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 535, оп. 1, д. 1026, л. 24, 28.

²⁰ Автобиография. С. 130; Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. Изд. 3. М., 1987. С. 383.

²¹ I Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: 1930. С. 218.

- ²² VI съезд РСДРП (б). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 250.
- ²³ Там же. С. 114—116.
- ²⁴ Уральский рабочий. 1918. 10 мая.
- ²⁵ Там же. 3, 6, 9 марта.
- ²⁶ См.: Коммунист. 1918. № 3; Уральский рабочий. 1918. 23 апреля.
- ²⁷ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 255; Уральский рабочий. 1918. 9 мая.
- ²⁸ Автобиография. С. 131.
- ²⁹ Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями (январь—март 1919 г.): Сб. 6. М., 1971. Док. № 1; Автобиография. С. 131.
- ³⁰ VIII съезд РКП (б): Протоколы. М., 1959. С. 7, 583.
- ³¹ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. Изд. 2. Пг., 1920. Бухарин в основном осветил общетеоретические аспекты Программы, Преображенский — написал главы по организации сельского хозяйства, распределения, банков, денежного обращения и финансов.
- ³² Там же. С. 124—125.
- ³³ Переписка Секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями (июнь—июль 1919 г.): Сб. 8. М., 1973. С. 15, 91.
- ³⁴ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 86, д. 203.
- ³⁵ См.: X съезд РКП (б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 65.
- ³⁶ См.: Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. Изд. 1. М., 1924. С. 29.
- ³⁷ Правда. 1922. 8 февраля.
- ³⁸ XI съезд РКП (б): Стеногр. отчет. М., 1961. С. 676. Об экономических взглядах Преображенского этого и последующих периодов см. подробнее в статье авторов в сборнике «Марксистская мысль в первой половине XX века» (М., 1989).
- ³⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 44; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22933.
- ⁴⁰ См.: XII съезд РКП (б): Стеногр. отчет. М., 1968. С. 183.
- ⁴¹ Преображенский Е. А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922. С. 18.
- ⁴² В конце 1922 г. Преображенским были подготовлены тезисы о переходном периоде от капитализма к социализму, представляющие перечень основных проблем, в общем совпадающий с проблематикой книги «От нэпа к социализму» (ЦПА ИМЯ, ф. 5. оп. 2, д. 55, л. 220—223). Они были приложены к его письму в Политбюро, в котором ставился вопрос о необходимости разработки и принятия Пленумом ЦК резолюции о переходном периоде от капитализма к социализму в России. О том же говорилось и в заметке Преображенского «Пора» (Правда. 1923. 25 января). См. также его выступление на XII съезде // XII съезд РКП (б): Стеногр. отчет. С. 42.
- ⁴³ См., напр.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 253—254, 311—312, 384, 458, 541—542, 555; Т. 11. С. 199, 276, 321—322, 410, 416, 434, 450 и т. д.; Т. 12. С. 18.
- ⁴⁴ До конца жизни он пользовался одной машиной на двоих вместе с Крупской. (См.: Виноградская П. С. События и памятные встречи. М., 1968; ее же. Памятные встречи. М., 1972).
- ⁴⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 121.
- ⁴⁶ Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М., Пг., 1923. С. 73.
- ⁴⁷ Автобиография. С. 121.
- ⁴⁸ Писарев Д. И. Надо мечтать. М., 1987. С. 164.
- ⁴⁹ Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. С. 101—102.
- ⁵⁰ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 35.
- ⁵¹ Булгаков, прот. Сергей. Православие. Очерки учения православной церкви. Изд. 3. Париж, 1989. С. 362—363.
- ⁵² Преображенский Е. А. О нашем внутрипартийном положении // Правда. 1923. 28 ноября.
- ⁵³ Его же. О том, что назрело // Правда. 1923, 24 марта, 3 апреля. Эти предложения соответствовали разосланному членам ЦК письму Преображенского «Проект организации постоянных чекистских комиссий» (См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 86, д. 203).
- ⁵⁴ Преображенский Е. А. В. И. Ленин (социологический набросок). М., 1924. С. 41, 44.
- ⁵⁵ Заявление 46-ти. В Политбюро ЦК РКП // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. Т. 1. М.: Терра, 1990. С. 85. Мы цитируем этот документ, так как подпись Преображенского стоит под ним первой.
- ⁵⁶ XIII съезд РКП (б): Стеногр. отчет. М., 1924. С. 196—203.
- ⁵⁷ Преображенский выступал в Бауманском, Замоскворецком, Краснопресненском районах, на совещании актива Московской организации 11 декабря 1923 г. См.: Партархив МГК КПСС, ф. 3, оп. 4, д. 36; ф. 69, оп. 1, д. 138.

- ⁵⁸ Там же. ф. 69, оп. 1, д. 138, я. 17.
- ⁵⁹ XIII конференция РКП (б). Бюллетень № 3. М., 1924. С. 116.
- ⁶⁰ См.: Бухарин Н. И. Избр. произведения. М., 1988. С. 86—115; его же. К вопросу о закономерностях переходного периода. М.; Л., 1928.
- ⁶¹ Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. Ч. 1. Изд. 2, испр. и доп. М., 1926. С. 250. В приложении к этому изданию Преображенский убедительно опровергает аргументы своих оппонентов, в том числе Бухарина.
- ⁶² Преображенский Е. А. Новая экономика... С. 251.
- ⁶³ Там же. С. 30.
- ⁶⁴ Преображенский Е. А. Основной закон первоначального социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. VIII. С. 59.
- ⁶⁵ Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII. С. 70.
- ⁶⁶ Коэн Ст. Бухарин: Политическая биография. М., 1988. С. 188.
- ⁶⁷ Преображенский Е. За что нас исключили из партии? (письмо к партийному съезду) // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 84.
- ⁶⁸ Цит. по: Анфертьев И. Гениальный рабочий // Красная звезда. 1989. 18 февраля.
- ⁶⁹ Смилга И. Что было у гостиницы «Париж» 7 ноября 1927 г. Архив Троцкого // Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 258—260.
- ⁷⁰ XV съезд ВКП (б); Стеногр. отчет. Т. 2. М., 1962. С. 1434.
- ⁷¹ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 55, оп. 1, д. 99, л. 3—4.
- ⁷² См.: Минувшее (Исторический альманах). Т. 7. Paris, 1989. С. 259—260.
- ⁷³ Этот документ находится в фонде Л. Д. Троцкого в Хаугтонской библиотеке Гарвардского университета (Т—1262). Авторы выражают искреннюю признательность профессору В. П. Данилову, любезно предоставившему в их распоряжение его копию.
- ⁷⁴ Цит. по: Ярославский Ем. Мертвые шагают быстро (Развал троцкизма) // Большевик. 1929. № 18 (30 сентября). С. 60.
- ⁷⁵ Там же. С. 73.
- ⁷⁶ Ср.: Преображенский Е. За что нас исключили из партии? (письмо к партийному съезду). С. 84; Заявление в ЦКК бывших руководителей троцкистской оппозиции... // Правда, 1929. 13 июля.
- ⁷⁷ XVII съезд ВКП(б); Стеногр. отчет. М., 1934. С. 238.
- ⁷⁸ Преображенский Е. А. Экономическая природа советских денег и перспективы червонца // Под знаменем марксизма. 1930. № 4; его же. Теория падающей валюты. М.; Л. 1930; его же. Закат капитализма. Воспроизводство и кризисы при империализме и мировой кризис 1930—1931 гг. М.; Л., 1931 и др.
- ⁷⁹ Его же. Закат капитализма. С. 11.
- ⁸⁰ Там же. С. 97.
- ⁸¹ См., напр.: Боролин Б. Против извращений марксистско-ленинской теории на экономическом фронте // Проблемы экономики. 1931. № 10—12.
- ⁸² Там же; Бутаев К. К вопросу о материальной базе социализма // Проблемы экономики. 1932. № 1 и др.
- ⁸³ Цит. по: Бутаев К. Указ. соч. С. 9.
- ⁸⁴ Там же. С. 12.
- ⁸⁵ Там же. С. 19.
- ⁸⁶ XVII съезд ВКП (б). С. 661.
- ⁸⁷ Центральный архив КГБ СССР. Архивно-следственное дело на Преображенского Евгения Алексеевича.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 170.
- ⁹⁰ Там же. 1925. № 2. С. 15.
- ⁹¹ XVII съезд ВКП (б). С. 236—239.
- ⁹² Там же. С. 239.
- ⁹³ Показания Е. А. Преображенского требуют специального анализа. Здесь лишь отметим, что нет в них угодничества перед Сталиным и следователями, нет просьб о помиловании, достаточно откровенно характеризуется «троцкистская деятельность» лишь тех лиц, которые либо уже были к тому времени казнены, либо сами дали на себя намного более откровенные показания. Преображенский крайне скуп на фамилии оппозиционеров и т. д.
- ⁹⁴ Е. А. Преображенский был полностью реабилитирован по государственной линии в декабре 1988 г., по партийной — в мае 1990 г.